

...Папа № 3 неслышной тенью возник из темноты, от него исходило некое таинственное свечение. Славик охнул, прошептал: «Божественный свет» — и замер. Остальные насторожились и перестали копать. При ближайшем рассмотрении светом оказался фонарик на телефоне, который папа сунул в карман и забыл выключить.

— Тоже мне, святой нашелся! — хмыкнул папа № 2, а Славик не к месту завыл:

— Кто светел, тот и свят...

Под его противный и фальшивый «аккомпанемент» все снова дружно взялись за лопаты. Луна медленно описала дугу по ночному небу и скрылась в тучах. Наступила крошечная тьма, и время в ней словно остановилось. Тут все вспомнили о фонаре, что захватили в последний момент. Почему-то о подсветке подумали уже «на низком старте»...

Мамуля, чертыхаясь, метнулась в сторону машины и пропала где-то во мраке. Папа № 2 и папа № 3 упорно копали, а Славик ныл, что не выдер-

жит трудовой терапии, ведь встал он сегодня очень рано, да к тому же здесь холодно. И вообще, у него лапки...

Но столбы стояли насмерть. В сердцах Славик подпрыгнул и попытался ухватиться за неподдающегося «стояльца», чтобы раскачать его. Тут же зацепился за сетку-рабицу, неловко повис и стал причитать. Правда, вполголоса. Кинувшись спасти Славика, отцы споткнулись об единственный уже выкопанный столб и с приглушенными ругательствами повалились друг на друга.

Вернулась недовольная мамуля, таща за собой фонарь, и вот уже вспыхнул свет. Отцепить Славика от сетки было крайне сложно, мешала торчащая из-под мышки лопата, которую тот прижал к себе, точно родную дочь.

Чтобы территорию не залило заревом полностью (а это было категорически противопоказано в целях конспирации), мамуля накинула на фонарь свою пеструю турецкую шаль. Теперь все заговорщики, собравшиеся темной-темной ночью, могли обругивать друг друга, глядя глаза в глаза.

Фонарь подсвечивал мамулю сзади, создавая уже вокруг нее зловещий и торжественный ореол. Папа № 3 перекрестился, уже отцепленный Славик помянул черта, а папа № 2 заявил мамуле, что тусклый свет не прибавляет ей красоты. Та в ответ назвала его иродом проклятушим.

Под эти переругивания Славик, снова принявшийся копать, стукнул лопатой обо что-то твердое.

Почему-то его посетили мысли о кладе, но в свете телефонного фонарика Славик увидел нечто

округлое. Он крякнул. Нагнувшись чуть ниже, тут же отпрянул и издал какое-то жалкое блеяние.

— Славка, там что, сундук? — в притворном ужасе вскричала мамуля, которая тоже услышала странный стук.

— Пятнадцать человек на сунду-у-у-к мертвеца, — пробасил папа № 2, но почему-то тоже насторожился. И забыл добавить свой любимый пассаж про бутылку рома. Наверное, выражение лица Славика в свете фонаря внушало опасения.

Все вдруг оцепенели, но оцепенение длилось лишь пару секунд, после чего ринулись к яме. Папа № 2 потянул за собой фонарь с проводом, запутал им папу № 3 и мамулю, но те даже скандалить не стали. Уже через минуту заговорщики поняли, что нашли нечто страшное. Ни много ни мало — чей-то скелет.

Дрожащими руками Славик поднял на лопате то, что поначалу принял за огромный камень: череп взирал пустыми глазницами, а костлявая рука, извлеченная следом, словно указывала путь в непроходимую темноту леса.

Копатели в ужасе замерли: ни дать ни взять — лесные кабанчики в ожидании бампера! И бампер не замедлил явиться...

Глава 1

За несколько дней до этого...

Осень подкралась незаметно. В ноябре. С утра по телевизору передавали самые радужные прогнозы — прекрасная солнечная погода простоят еще долго, — верный признак того, что завтра начнутся заморозки. И вот я уже перепрыгиваю лужи, чтобы быстрее доскакать до центрального входа в наш бизнес-центр и не замочить дорогие замшевые полуботиночки. Конечно же, замочила.

Усердно глядя под ноги, не заметила, как на скорости вписалась в стоящего возле ступенек грузного парня в ветровке. Он хмыкнул. Я извинилась и попыталась обойти его с другой стороны, но парень тоже сделал шаг в сторону — мы опять столкнулись. Повторив подобный маневр пару раз, я разозлилась:

— Да что же это... Зафиксируйтесь на месте, пожалуйста!

— Будьте проще. Может, я тянусь вам навстречу, — флегматично заявил этот нахал, явно разглядывая меня. Я тоже подняла глаза и смогла конста-

тировать, что имею дело с рыжим пухловатым веснушчатым типом. Наверное, кто-то когда-то сказал ему, что он красавец. Он поверил в это и теперь презрительно взирал на мир с высоты своих двух метров.

— Я не буду прощсе, и тянуться ко мне — дело зряшное, — парировала я, на что мой оппонент хмыкнул и назвал меня высокомерной. И в этот самый момент я вдруг остро почувствовала, что за нами кто-то наблюдает.

Резко повернувшись, увидела только мерно текущий поток машин. Даже случайных прохожих на улице было мало по причине уже начавшегося рабочего дня. И уж точно никто из спешивших не походил на шпиона.

Только я выдохнула и мысленно обозвала себя дурой, как от нашей стоянки вдруг тронулась и повернула влево серая «Гойота». С тонированными стеклами.

В досаде ругнувшись одновременно и на рыжего пухлю, и на неведомых шпионов, я нырнула в теплое нутро нашего бизнес-центра.

Я подумала, что не все успешно подготовились к обострению своих психологических заболеваний, но посоветовала себе выбросить этого типа из головы. Короче, утро не задалось. Нет, вы подумайте: высокомерная! С чего вдруг? Только если самую капельку.

Двери в офис были распахнуты: Славик, явившийся с утра пораньше, уже окурил помещение «правильными» благовониями и теперь проветривал. С тех пор как он стал моим партнером по агент-

ству, у меня прибавилось головной боли. В том числе и от этих благовоений.

Я пожаловалась ему на того наглого типа у входа, на что Славик, выглянувший в окно, нахмурился. Но тут же отмахнулся:

— Так это Сева Ан. Вот ведь фамилия, да? Он же агент.

— 007?

— Почти. Страховой. Мы у него страхуемся теперь.

— Разве?

— Сам приходит, очень удобно. Он как раз ко мне с документами с утра забегал — подпись поставить. Ты совсем не интересуешься людьми. Я же тебе сто раз подсовывал договор почитать, рассказывал, какие у них выгодные условия.

— Если агентство у них такое же, как он сам...

— Не обращай внимания! Да, такой высокомерный тип. Но работу свою знает.

Устав слушать про какого-то Севу Ана, я попыталась скрыться за бумагами, но Славик был настроен почесать языком:

— Кстати, я поздравил тебя с утра с Днем кофе. И что в ответ? СПС вместо спасибо. Ну-ну, надеешься, что благодаря таким сокращениям у тебя освободится целая куча времени?

Я показала ему язык и воздержалась от ответа, но тот не унимался:

— Или опять у тебя мышцы рук после тренировки болят? Что-то ты ударилась в спорт, а потом жалуешься. Я ни на что не намекаю, но в пивном

пабе, куда я тебя вчера звал, с тобой такого бы не случилось.

— Да нет, мышцы уже привыкли. Просто мне надоели твои ежедневные поздравления. То у тебя Фекла-свекольника, то Ефимия Птичья костка, то День счастливого гуся. Человек-праздник какой-то!

— Я пытаюсь тебя взбодрить, — заявил Славик, разглядывая мою недовольную гримасу. — Птичья костка, может, и не совсем удачный вариант... Но сегодня же повод хороший? Так чего кислая мина? Я вот и кофе тебе приготовил, хотя формально я уже и не секретарь, а партнер.

— Кофе с утра не роскошь, а средство передвижения. И вообще... мне вчера предложили выйти замуж, — решила я сменить тему, принимаясь за еще горячий напиток.

— Ух ты! Кто?

— Мамуля и отцы. Спелись они на мою погибель. То поганой метлой разгоняли всех ухажеров, а теперь, когда мне все надоело, сами пристают. Внуков им, видите ли, понянчить надо успеть.

— Помяни мое слово, на тебе венец безбрачия. Я бы уже начал снимать...

— Чья бы корова мычала... А как твои курсы пикапа? — язвительно поинтересовалась я, а Славик вздохнул и ответил кое-что непечатное. А потом еще добавил пару крепких словечек.

— Лучше бы ты пошел на курсы «Жизнь без мата». Так ты хотя бы был просто безмерно раздосадован, посоветовал бы мне унять свое безудержное любопытство... А не вот это вот все!

В последнее время он ругался как сапожник. Наверное, на курсах пикапа его заверили, что это придает мужчине шарма.

— Речь бывает блестящей, а бывает с матовым покрытием, — отмахнулся Славик. — Иногда без мата никак.

— Ты ушел от темы.

— Нет, поверишь, сами курсы — огонь! И главный наш гуру — мой кумир. Я его книжки от корки до корки прочитал. Так повезло, что он начал свое мировое турне с нашего города... Да еще и личное приглашение в секретный клуб мне первому прислал. Как самому преданному поклоннику. Я же вырос на цитатах из его текстов.

— Ты шел к успеху, — резюмировала я. — Тогда что не так?

— Просто вчера он сказал, что я уже перерос пикап и мне следует преподавать самому. Предложил в будущем стать его помощником. Вести курс под названием «Как избавиться от той, которую трудно найти и легко потерять».

— Блеск!

— Ага, только как я буду все совмещать? — заканючил приятель.

— Ты меня удивляешь. Откуда такая мотивация к работе? Наследство уже потратил? Денег теперь тебе вроде бы должно было хватить надолго...

— Я просто очень люблю выеживаться, — Славик оторвался от полировки ногтей моим бафиком и придирчиво осмотрел результат своей работы, — а для этого требуются все новые и новые достиже-

ния. Вот и рвусь, как струна на гитаре у барда. Совмещаю несовместимое.

— Это точно, — язвительно протянула я, отбирая у него свою пилочку. — Ты стал пагубно универсален.

Мы бы еще долго точили языки, но в офис стали стекаться наши лучшие кадры. Заработала кофемашина в холле, зажужжал принтер, принялись звонить телефоны в приемной. Обычный рабочий день вступил в свои законные, отвоєванные у вечного покоя права.

Почти тут же из приемной раздался визгливый голос нашего постоянного клиента — владельца сети аптек Курочкина. Семья у него была большая: юбилеи, свадьбы и поминки он доверял только нам. Явился он, как всегда, со своей неизбежной тещей, оттого пребывал в настроении, близком к паническому.

Курочкин славился своей любовью к уходам в запой и «белочке», поэтому я его тещу хорошо понимала. Кажется, Курочкин с женой планировали креативно отметить годовщину свадьбы, а теща по-отечески (или по-матерински?) держала руку на пульсе.

— Предложим этому выпивохе Курочкину организовать романтический вечер на лесной поляне, — подумал Славик вслух. — Пусть сходит в лес, нанесет ответный визит белкам.

— Так холодно же? — поежилась я.

— Он всегда под градусом, ему нормально. Костерок, гитара, романтика 90-х... Наши предки такое любят, а Курочкин — их ровесник.

Делегировав к Курочкину Славика, я вспомнила о своих. А именно об отцах и мамуле. И тут же решила обзвонить всех одним махом, чтобы не обижались.

Мамулин телефон заявил, что его владелица недоступна, оттого я начала с конца.

Папа № 3 как раз проводил свою боевую подругу жизни Дуську к родным в Саратов и теперь скучал, проводя дни в обнимку со своим любимым увлечением – колодой карт Таро. Так что поболтать был не прочь.

– Папа, меня тут недавно назвали высокомерной, – пожаловалась я в процессе разговора. И тут же пожалела об этом, потому что получила в ответ пространную лекцию:

– Часто люди принимают за высокомерие нормальное желание человека держать дистанцию, поэтому все относительно. Если уж говорить именно о высокомерии, то считаю этот момент страхом: люди выстраивают стену, забираются на нее и смотрят свысока. Это такой буфер, который помогает делать вид, что страха нет, когда он на самом деле есть.

Кажется, папа увлекся и даже не заметил, как я тихонечко дала отбой. И тут же набрала второго по номеру, но не по значимости отца. Тот сразу начал с оригинального:

– Доча, вот хоть ты мне скажи. Почему когда у мужчины есть лишний вес, но нет денег, то он просто жирный? А когда лишний вес и деньги – то он пусечка?

Видимо, папа № 2 в данный момент находился в одном из своих ресторанов и наблюдал, как длинноногие хищницы окучивают его собратьев по толстому кошельку. Я промычала невнятное, потому что сама была травоядной и понять силиконовых пантер мне было крайне затруднительно. Папа вздохнул:

— Ладно, хрен с ними. Даринка, лучше помоги отцу составить деловое письмо. Как по-русски будет «учтите, бля»?

— Ну допустим... примите к сведению. А что ты там такое составляешь?

Я знала, что папа № 2 — человек широкий и искренний: что на уме, то и на языке.

— Ой, доча. Ты же знаешь, я решил продать рестораны. С покером тоже не заладилось, теперь в политику иду. Сама понимаешь, с ресторанами туда никак нельзя...

— Ты же говорил, что собрался на вырученные деньги построить загородный спа-отель с видом на реку? И местечко хорошее отжал...

— Ни-ни-ни... Отжал... Папа честный. Папа купил. Ну, там по документам владельцем буду не я. На философа все переписал, блаженный душой не обидит. Он не против, сказал — все одно. Что воля, что неволя.

— Папа...

— Да там все легально, не боись. Не буду же я родного человека под статью. А тут еще мамуля из-за кордона объявилась, просит работу ей подсуетить. Владычествовать хочет. Хорошо, что я успел директором философа поставить... Ты не помнишь,

наверное, как она в конце 90-х мой бизнес по продаже хот-догов развалила? Ты только подумай — хот-доги с вареньем... Ноу-хау. От ее варенья у половины города несварение случилось, еле откупился. Кое-как на ноги встал тогда...

— Что делать будешь?

— Ну я же себе не враг. Решил отправить ее туда, где разваливай не разваливай, а убытку никакого: на культуру. Будет у меня руководить культурной программой в новом отеле. Хотя, конечно, она требует, чтобы я записал ее как директора по культуре. И даже план развития какой-то изобразила. Не зря же она в свое время изо в школе преподавала.

Я в очередной раз подивилась выписываемым судьбой кренделям, но пожелала папе № 2 удачи во всех его начинаниях. С такой-то командой...

— Да щас, мля, — кому-то гаркнул папа. Наверное, ему звонили по второму телефону. Я его легонько укорила:

— Как будущему политику, советую тебе вместо этого оборота говорить: «Одно мгновение».

— Да это со стройки звонят. Понабрали миньонов! Зла на них не хватает! Мгновение... А наш философ знаешь что мне заявил? «У настоящего политика гнев никогда не поднимается выше жопы». Жопы... Вот тебе и культурный человек. Да как тут гневу не подниматься, когда работники косорукие? А этот плешивый барсук от меня требует соблюдения инвестиционных обязательств перед городом: проведи, говорит, работы по берегоукреплению. Видите ли, для размещения открытой прогулочной территории вдоль берега.

— Что за барсук? — удивилась я, и тут выяснились интересные подробности.

Урвав землицы, папа № 2 еще год назад решил построить загородный комплекс почти в лесу. И теперь, когда папа ринулся в работу всеми силами, упрямый новый чиновник (в папиной интерпретации — плешивый барсук) не согласовывал ему план строительства. Причина была весомая: забор на участке соседей должен был находиться на расстоянии не менее метра от их основного здания. Но места для размещения корпуса на участке категорически не хватало. Как назло, к тому времени стройка шла полным ходом, папа планировал согласовать проект задним числом (он всегда так решал проблемы с предшественником барсука по рабочей линии).

Переубедить барсука добром у папы не вышло, он понял это с самого начала, оттого сразу же перешел к угрозам и оскорблениям. Барсук не внял, но оскорбился, обозвал папу хищным шакалом, и теперь папе № 2 уже не могли помочь ни знакомые, ни благодетели. Обидчик папы решил стоять на смерти, вспомнив про свои принципы. И теперь папа вел с барсуком гневную переписку.

Мало что уяснив в этом мире животных, я решила на днях заглянуть к папе на стройку и выяснить все при личной встрече. Тем более в конце разговора папа как-то успокоился.

— Вот есть же люди, как лобстеры, блин. В голове одно дерьмо, но при этом на рынке котируются. И взгляд такой поросячий... Ладно, доча. Не на того барсук нарвался. Есть у меня одна мыслишка...

Такой папин тон не предвещал ничего законного, и я поспешила нажать отбой. Потому как на второй линии по чудесному совпадению объявился папа № 1, а он обычно был категорически против всего незаконного.

Папа № 1, как всегда, боролся со злом и зачем-то предупредил меня, чтобы я не ела много проса. Пока я раздумывала, что бы это могло значить, оказалось, что в данный момент папа изучал материалы громкого дела.

— Представляешь, одна дама узнала, что у мужа есть любовница, и решила отомстить ему весьма оригинальным способом. Муж был состоятельный, оттого его кончина не должна была выглядеть слишком подозрительной: «любящая» жена усиленно кормила мужа пшеном.

— Он что, умер от скуки?

— Нет. Избыток крупы мешал усвоению йода, и сластолюбец едва не отдал концы в больнице. У него были проблемы со щитовидкой.

Папа еще что-то рассказывал про тиреоидные гормоны, но я уже унеслась мыслями далеко. Вот как так получается, что в поисках любви мы все куда-то и за чем-то стремимся, а по итогу вместо любви выходит просо? Или тебя любят только за деньги, или пытаются переделать, или используют для своих целей? «Настоящая любовь и где она обитает...» — так бы я назвала свою книгу, приди мне охота порассуждать о высоком.

С папой мы распрощались, дочерний долг был выполнен, но что-то не давало мне покоя. Как будто я упустила какую-то шальную мысль, не додумав ее

до конца. И тут я вспомнила про наполеоновские планы мамы, озвученные папой № 2. Как это она решила стать тут у нас директором, находясь в Ницце? Или...

Только я подумала о мамуле, как в кабинет влетел запыхавшийся Славик. Судя по его глазам, в офис пробиралась гигантская анаконда. Она-то и ползла за ним бодрой рысцой, иначе объяснить его перекошенное лицо я не могла. Оказалось, я почти угадала.

— Дарина, там мамуля! Приехала! Вешает свое пальто и требует у Людочки кофе! Спасайся кто может! — Славик зачем-то подбежал к окну и с тоской поглядел на прохожих внизу. Все-таки пятый этаж его смутил, и он стал с интересом поглядывать на мой шкаф для деловых костюмов.

Наверное, вспомнил, как при последней встрече он попробовал мамулин пирог с вишней, соленой карамелью и потрошками и не смог удержать его внутри себя. Моя мамуля справедливо считала, что в кулинарии ей нет равных (еще бы, не всем придет в голову приправлять оливье взбитыми сливками или добавлять в сырники горох). Но вернемся к пирогам. Так вот, в гневе из-за этого происшествия с пирогом мамуля напомнила приятелю ураган. Правда, Славик назвал это более изящно — «ураган-пироган».

Вот и сейчас мамуля ворвалась в кабинет как райское видение: перья, пух и блески. Пахнуло весной, буржуазностью и шафраном. Плюхнувшись в кресло, она с места в карьер принялась жаловаться на европейские цены:

— Пусть Славик спустится и рассчитается с таксистом. Не захотел рассчитать меня по карте. Заявил: нравится не нравится — в рублях, моя красавица! Это что за квасной патриотизм? А когда я стала возмущаться, выдал: собака лает — караван идет. Прямо какой-то кладезь афоризмов. У вас тут что, год пословиц и поговорок объявили?

Я тактично хмыкнула, что мамуля расценила по своему:

— Хочешь спросить, где мои деньги? Деньги... Я всего лишь выпила чашечку кофе и съела круасан в аэропорту, а такое ощущение, что меня обокрали цыгане! Знаешь, эта жизнь в Европе становится все более невыносимой.

Я замерла, потому как такой спич последние месяцы я слышала от мамули все чаще. Раньше ее калачом было не затащить в родное Отечество, а теперь она регулярно шастает туда-сюда. Словно нашла какое-то скрытое от посторонних глаз окно в Европу. И если она в очередной раз явилась на Родину...

— Представляешь, позвонила папе № 2, чтобы встретил в аэропорту, а его Марья-искусственница трубку взяла и сказала, что он в душе. И в ближайшие три часа его лучше не тревожить. Тоже мне, плешивый Казанова. И что он в ней нашел?

— Может, она Марья-искусница? — льстиво потупил глазки Славик, ходко труся к выходу с кошельком под мышкой, но мамуля покачала головой:

— Ты ее губы видел? А грудь? Искусственница, уж поверь моему опыту.

Славик пукнул ртом, изобразив смешок. Мы с мамулей расцеловались и принялись за кофе. Я осторожно поинтересовалась, как дела у мамулиного Антуана из Ниццы, на что получила витиеватый ответ в стиле папы № 3. Держу пари, он как раз накануне провел мамуле сеанс психотерапии по старой дружбе.

— Любая зависимость от других очень хрупка, потому что то, что другие могут дать, они же и отберут. Только то, что было твоим с самого начала, останется твоим до конца...

Додумывать детали виньетки пришлось самой. По всему выходило: мамуля разочаровалась во французских мужчинах. Тем более с Антуаном (правда, в периоды немилости его переименовывали в Хуана и называли не иначе как мерзким лягушатником) у них давно наметились идеологические и социальные контры.

Тот оказался не лихим Джеймсом Бондом, как грезилось мамуле, а обычным французским буржуа, экономившим воду и газ. Видимо, мамуля была очень затратна в обиходе. Не умела по-европейски быстро закрывать холодильник, читать при свече, да еще шикавала: мылась по два раза на день. Что-то, а деньги считать французы умеют.

— Статистика гласит, что только каждый десятый брак становится счастливым. Так что мне еще выходить и выходить!

— Даже не думай. Трех пап мне вполне достаточно! — заявила я. — Еще семь не потяну.

Мамуля отмахнулась, и в отместку с удвоенной энергией принялась расспрашивать меня о моей личной жизни. Теперь отмахиваться пришлось мне.

И вот что я поняла. Удивительное дело, если долго делать то, что не хочется, потом не хочется делать даже то, что хочется. Раньше я мечтала устроить личную жизнь, но приходилось терпеть навязанных мамулей или отцами отпрысков богатых родителей. Пытаясь бунтовать, я выбирала себе парней сама, но каждый раз это оканчивалось полным фиаско.

И вот теперь, когда меня наконец оставили в покое, я уже второй месяц чувствую полную тоску и апатию. Ходить на свидания не хочется, поэтому всю энергию я сублимирую в спорт.

Решила наконец заняться любимым человеком, который никогда не бросит и не подведет, — собой. Кстати, именно в нашем новом фитнес-клубе «Бунтарка» я и познакомилась с Аленой. Подобное тянется к подобному. Наверное, оттого нас часто путали инструкторы. Алена тоже длинноволосая блондинка, только чуть выше и худее. Вот уж у кого прямо-таки модельный рост. При этом она не просто красавица, а еще очень отзывчивая и милая. Кажется, мы по-настоящему подружились, и это очень радовало. Потому как раньше основной моей «подружкой» был секретарь (а теперь мой бизнес-партнер) Славик.

Кстати, про Славика. Он работает со мной со дня основания агентства, а достался мне в наследство от папы № 2: когда-то работал у него медбра-том (да-да, Славик перебрал почти все женские

специальности). Папа решил, что мне он нужнее. Но, я думаю, Славик просто был у меня папиными «ушами».

Мой секретарь — выдающаяся личность, достойная отдельного описания: существо чахлое, злобное и ехидное. Он патологически ушат, психически нестабилен, язвитель и упрям. Кажется, Славик состоит только из эмоций и амбиций. Зато от него всегда можно узнать что-то новенькое, посплетничать и позлословить он мастак.

Толстых клиентов он всегда записывал в свой ежедневник жирдяями, хоть я и объясняла ему, что в нашем мире праздника и радости не говорят «жир», а лишь прозрачно намекают на «лишние сантиметры в области талии». Человека нестандартной внешности он называл страхолюдом, пикантные волоски над верхней губой обзывал пышными усами, а эффект апельсиновой корки на бедрах дам глумливо именовал жутким целлюлитом.

Несмотря на абсурдность, Славик всегда чрезвычайно нравился дамам. Особенно тучным и возрастным: видимо, он вызывал у них острый материнский инстинкт. Чем проказник нагло пользовался, меняя дам как перчатки. По его словам. Я же была склонна считать, что свою популярность он сильно преувеличивает.

А еще Славик упорно тяготеет к ремеслу частного детектива и сбивает меня с пути истинного. Даже то, что отцы грозились оторвать ему за это уши, юного Шерлока ничуть не смущает. Пару раз мы с ним оказывались замешаны в неприятные истории. Все начиналось с невинного желания установить ис-

тину и заканчивалось словами: «Так получилось». Мы чудом избежали неминуемых последствий.

Так что теперь я окончательно решила не вестись на провокации и больше не участвовать в его сомнительных авантюрах. Но говорю я обычно одно, а делаю совсем другое: гены пальцем не задавишь. Правильно папы говорят: авантюристка от кончиков пальцев до кончиков волос! Хотя... Сами виноваты. Нельзя не учитывать их особое влияние на мое воспитание.

От папы № 1 я унаследовала любовь к справедливости, уважение к закону и умение докапываться до сути. В детстве, когда другие дети копались в песочнице, папа учил меня уходить от слезки, замечать мелочи и соблюдать правила конспирации. Уже в три года я так хорошо законспирировалась в туалете, что искали меня до глубокой ночи. А еще мне передалось папино трудолюбие.

Второй папа в свое время был с законом не в ладах, зато знал, как его аккуратно обойти. Он научил меня «держат удар» и не давать себя в обиду. Папа № 2 убеждал, что добро должно быть с кулаками, а человек — с характером, оттого я часто упрямяюсь и делаю что-то наперекор здравому смыслу. А еще папа научил меня стрелять по банкам, открывать замок шпилькой и лихо делать полицейский разворот на трассе.

От папы № 3 я переняла фатализм, умение во всем видеть знаки, склонность к рефлексии и эмпатию. Когда в юности у меня что-то не ладилось, он советовал помедитировать или раскинуть карты Таро: авось что-то и прояснится. Правда, папа

умел сидеть в шпагате между двух табуреток и при этом общаться с взвешанным разумом, а я в таком положении чувствовала себя Ван Даммом, начинала хохотать и грохалась об пол. Зато я всегда глубоко и громко дышала перед тем, как начать скандалить.

А от мамы у меня только неземная красота. Хотя нет, еще и умение иногда строптиво «топнуть ножкой», сухо сказать: «Я вас услышала» — или устроить небольшой скандалчик со слезами и надутыми губками. Типичные женские штучки, но, черт побери, работают!

Что-то я перепрыгиваю с темы на тему. Теперь о главном: да, у меня три отца. Как по мне, то все это не так уж удивительно. Думаю, вы уже поняли: мама трижды была замужем, и каждый раз — удачно. Она бы с этим не согласилась, но факт остается фактом. Потому как все три отца меня искренне любили и считали родной.

Вынырнув из воспоминаний, я заметила, что мама задремала в кресле над остывшим кофе: сказывался ночной рейс.

Глава 2

Разбуженная мамуля отправилась домой распаковывать чемоданы, так и не огласив точные сроки пребывания. А мне пришлось вернуться к работе, пообещав позже отпраздновать ее приезд.

Вечером я была совершенно свободна, потому что по понедельникам мы с Аленой в фитнес-центр не ходили. Как известно, именно в понедельник все хотят начать новую жизнь, поэтому мы ходим заниматься по вторникам. К этому времени новая жизнь у всех заканчивается, и в зале становится пусто.

А в этот понедельник мы как раз договаривались сходить в новый модный итальянский бар, открывшийся в центре возле набережной. Там обещали живую музыку, итальянское вино и лучшие в городе кростини.

Я предложила мамуле присоединиться к нам: познакомлю ее с подругой, заодно женским коллективом отметим ее возвращение домой. Мамуля, понятное дело, не могла просто так взять и явиться в бар. Требовались срочный визит к косметологу, визажисту и забег по магазинам в поисках нового платья в тон новому цвету волос.

Тут стоит прерваться и немного рассказать вам о мамуле. Когда люди впервые видят ее, они впадают в подобие транса: родительница эпатажно курит женскую трубку, широко экспериментирует с европейской пластической хирургией и постоянно меняет цвет волос.

Из-за неудачных покрасок и, периодически, зеленых волос мамуля часто ходит в невероятных головных уборах. Наряды под них она подбирает соответственные: парчовые халаты, кимоно, штаны-гаремы и прочие многослойные великолепия из шелка и атласа.

Однажды на отдыхе в Стамбуле я даже не узнала ее на улице, приняв за турецкого пашу.

Думаю, при таком раскладе вы понимаете, что мамуля нещадно опаздывала. Мне это было на руку: хотелось поделиться с Аленой «наболевшим» с глазу на глаз.

Когда мы с подружкой устроились за столиком и заказали по первому бокалу, я пожаловалась:

— Представляешь, мне вчера пришло СМС с незнакомого номера. «Прости, котик, дело не в тебе, но мы не можем пожениться...» Дожила! Меня уже даже чужие мужики бросают. По СМС! Видно, не судьба мне выйти замуж.

— Выходить замуж надо в молодости, — хихикнула Алена. — Так моя учительница говорила. Попадется хороший муж — будете счастливы, если нет — станете психологом.

Я тоже засмеялась — недолго, ровно столько, сколько заслуживала ее шутка, потому что Алена явно хотела сказать еще что-то.

— Мне повезло, я психологом стала еще до свадьбы. Правда, не особо пригодилось, по специальности не работала. Хотя муж всегда шутит, что я читаю его как открытую книгу.

— Знаешь, я тебе по-доброму завидую, — вздохнула я. — Ячейка общества и все такое. Лично мне уже кажется, что я вообще атрофировалась. Не верь, не бойся, не проси...

Алена, как и любая хорошая подруга, была в курсе моих печальных любовных историй. В том числе и той, которую и любовной-то назвать можно с большой натяжкой. Она называла моего знакомого Дубровского не иначе как Робин Гуд и посмеивалась над моими рассказами о его похождениях.

Конечно, как любая нормальная девушка «с понятиями», она знала: связаться с таким типом — нажить себе врагов и заработать геморрой на всю жизнь. А то, что для общения со мной он каждый раз придумывал всякие фокусы, подтверждало нашу теорию: он в бегах. И имеет недругов больше, чем волос на голове. Хотя волосы у него, надо признать, были красивые. Даже мне на зависть.

Словом, лучше и не вспоминать. Даже не знаю, как так вышло, что у нас с ним завязалась переписка. Как утверждала мамуля, я с раннего детства во что-то вступала: то в собачьи кашки, то в кружок по фото. Теперь вот вступила в переписку с жуликом.

Пока я предавалась своим мыслям, к барной стойке приблизился парень. Заказал кофе и молча уставился на меня. Сначала я просто мазнула по

нему взглядом, потом убедилась, что он настойчиво меня разглядывает.

Попыталась напрячься и подумать, откуда я его могу знать. Пришлось признать — я его не знаю. Средний рост, и все в нем довольно среднее. Кроме носа. Тот был выдающейся длины. А так... какое-то типическое лицо: узкие губы, глаза, не отражающие ни порока, ни добродетели. Словом, герой не моего романа.

Алена тоже заметила этого Пьеро, толкнула меня в бок и зашептала:

— Глаз с тебя не сводит, а ты говоришь, личная жизнь не радует. И не вороти нос, осень скоро закончится, а ты так и не съездила ни к кому в пальто на голое тело. Молодой человек, присоединяйтесь! — подруга махнула рукой носатому, несмотря на мои гневные шиканья, и тот осторожно приблизился. Оказалось, его зовут Николай и он любит кофе по-ирландски (очень ценная информация).

Буквально через минуту Коля заявил: я была лучшим, что он видел в своей жизни. Почему-то сразу подумалось, что жизнь у него не задалась. Нет, я, конечно, красавица, но чтобы вот так сразу — лучшее, что видел...

К счастью, через пару минут Колю окликнул какой-то знакомый — такой же незапоминающийся тип с папкой под мышкой, — и он, извинившись, удалился. Видимо, у него была назначена встреча. Правда, до этого Коля попросил дать ему мой номер телефона, на что я (из вежливости) обещала подумать.

Одновременно мне позвонил Славик, в тот день усиленно занимавшийся юбилеем свадьбы Курочкина. Оказалось, романтический вечер, который был приготовлен для супружеской пары на завтра, пришлось спешно отменять: у жены клиента обострилась язва. Вот как странно вышло: пил муж, а страдала жена.

Алена с заметным интересом слушала наш разговор, а когда я, дав указания, отключилась, заявила:

— У вас там что-то с романтическим вечером сорвалось? Но заготовки же остались? Я слышала про поляну в лесу... А давай ты мне все это организуешь? Я заплачу! У нас с мужем как раз на носу годовщина свадьбы, а я никогда не делала ему необычных подарков.

Разговор наш плавно перешел к Алениной семейной жизни, которой я, к своему стыду, почти не интересовалась. Нет, знала, конечно, что муж есть и он весьма богат. Стоило только увидеть машину Алены, ее неброские брильянты в ушках и обманчиво-скромные платья и костюмы. Стоили они как крыло боинга.

Мужем Алены был Вадим Венский — довольно известный в нашем городе бизнесмен, молодой и перспективный. По словам подруги, когда-то он приехал из небольшого городка и сумел с нуля построить свою компанию, предлагающую инновационные технологии защиты трубопровода от аварий и гидроударов. Для меня все это звучало слишком сложно, поэтому примерно в этом месте я начинала думать о своем.

Конечно, я была рада помочь подруге с организацией, но сомневалась, что концепция романтика, выбранная Курочкиным, подойдет молодым современным людям. К тому же поздняя осень...

— Ты меня очень выручишь. Вадим всегда делает мне какие-то безумные и креативные подарки, а я — черствый сухарь. Ноль фантазии. Никогда не знаю, чем его удивить. В нашей паре он более романтичный.

— Ну, по поводу «удивить» — это ты по адресу. Что он любит?

— Вадим много работает, но очень любит охоту, грибы, отдыхает душой в лесу, — подсказала мне подруга, и тут же в моей голове нарисовалась картинка изящного лесного пикника на полянке. Солнце, пробивающееся сквозь вершины деревьев. Конечно, уже холодно, а Алена не Курочкин, но можно установить обогреватели в шатер и разжечь мангал. Кутаться в пледы и пить глинтвейн, строить планы на будущее...

Наверное, мыслями я унеслась куда-то не туда. Алена с минуту внимательно меня разглядывала, после чего расхохоталась:

— Ты что, опять про своего Робин Гуда вспомнила?

— Брось. Про него как раз лучше забыть.

— Умом ты это понимаешь, а сама ждешь. Так ведь?

— Нет. Точнее, не знаю... Да кого я обманываю? Жду, и это бесит.

Я оглянулась по сторонам, словно пытаюсь убедить, что нас никто не подслушивает.

— Что? — подняла брови вверх Алена.

— Да чушь какая-то. Просто последнее время мне постоянно кажется, что за мной кто-то следит. Тебе знакомо такое навязчивое чувство? Ну, будто кто-то сверлит твою спину взглядом?

— К счастью, нет. Подожди... Ты думаешь, твой красавчик пожаловал сюда?

— Нет, здесь он точно не появится. Это кто-то другой.

— Тогда не понимаю... зачем кому-то за тобой следить? Или...

— Или, — вздохнула я. — Может, думают, что я выведу их к Дубровскому? Он не очень хорошо расстался с бывшими друзьями. Есть люди, которые могут знать о нашем с ним знакомстве и иметь ко мне вопросы.

— Ты думаешь, у тебя могут быть проблемы? — испугалась за меня Алена.

— Ну, если кто-то решит, что я знаю о его местонахождении, меня могут даже пытаться, — сделала я «страшные» глаза и попыталась засмеяться.

Хотя вовсе не шутила. Через папу № 1 я была немного осведомлена о расстановке сил воровского мира в целом и в Сочи в частности. И понимала, что Дубровский прошлым летом знатно поиграл с огнем.

Я попыталась отогнать неприятные мысли вином. Хорошо, что вскоре к нам присоединилась мамуля. Когда она вошла в бар, все посетители произвольно зажмурились: от пайеток на ее европейском платье исходило такое сияние, что на-

шим «недемократическим глазам» (это ее цитата, не моя) становилось больно.

Мамуля с Аленой сразу же нашли общий язык и принялись обсуждать лучшие отели Средиземноморья и туристические маршруты Нью-Йорка. Алена с мужем как раз недавно получили визы и собирались в ближайшее время «подышать воздухом свободы» (опять цитата мамули). Потом Алена восхитилась прекрасной нежной кожей родительницы, на что та в досаде отмахнулась:

— Где дрябло — там и нежно. Мне срочно пора сделать подтяжку.

И тут уже речь у них зашла о поисках хорошего косметолога и клиники для операции.

Коля — любитель кофе по-ирландски — меж тем не сводил с меня глаз, совсем забыв про своего приятеля. Это не укрылось от вездесущей мамули. Алена к тому же успела наболтать ей про мой недавний успех. Оценив масштаб трагедии, родительница нахмурилась:

— Лицо форменного имбецила. Где ты его нашла?

— Иногда человек ведет себя как идиот, когда он влюблен, — хихикнула Алена.

— Чаще всего человек ведет себя как идиот, когда он идиот, — отрезала мамуля, но, спохватившись, вдруг выдала:

— А впрочем... главное — чтобы человек был хороший. Дочь, дай ему свой телефон. Надо приглядеться.

Я так и осталась сидеть с открытым ртом, забыв про лучшие в городе крестини, что подали

к лучшему в городе вину. Весь оставшийся вечер я пялилась в зеркальную стену напротив. Пыталась понять: неужели мои биологические часы пробили полночь, кукушка вышла на пенсию, а мне пора начать присматриваться к тем, к кому в здравом уме лучше не присматриваться? Так и не найдя ответа на эти риторические вопросы, я в тоске приналегла на красное.

Глава 3

На следующий день мамуля пригласила своих подельников (бывшего и предбывшего) на званый ужин в честь ее приезда. Посидели мило и по-семейному. Папа № 1 на ужине не присутствовал. Он, как всегда, был на работе и боролся со злом.

Папа № 3 со смирением хлебал какую-то баланду, поданную мамулей, и зачем-то крестился.

А вот второй папа, как всегда, пререкался с мамулей:

— Как, ты говоришь, этот суп называется? Буйабес? Да пофиг. У меня в нем что-то плавает.

— С нами точно говорит бывший владелец ресторанов? Это суп. В нем всегда много чего плавает, — гордо возразила родительница.

— Да, но это «много чего» как будто бы гребет. Смотри, легкая волна расходится...

— Крестьянин. Вечно критикует. А до свадьбы говорил, что готов умереть за меня. Дарина, дай ему котлеты.

— Ладно, давай сюда твои котлеты. Опять с чечевицей? От них только умереть и остается.

Я только хихикала, слушая их перепалки. Как будто снова вернулась в детство. Спрашивать о подвижках с плешивым барсуком и разрешением на строительство я не стала, чтобы даже косвенно не быть причастной к их махинациям. Почему-то я была уверена, что способ, найденный папой № 2, далек от законности. Как в воду глядела.

Да, чуть было не забыла рассказать вам о родне подробнее.

У меня, естественно, был папа № 1. Он не был моряком дальнего плавания, но слишком долго плавал. Бабуля вещала: «Наш мент пашет, как задрюченный работяга». Уже в два года я знала, что папа-полицейский всегда на работе и борется со злом. Даже свечки на его именинном торте приходилось задувать мне, так что его участь была предreshена. Мамуля любила внимание.

Папа № 2 был бизнесменом, а не бандитом. Но, по мнению все той же вездесущей бабули, все богатые люди из 90-х — бандиты, а он был богатым, лысым и упорно тяготел к кожаным пиджакам. Высказываться по этому вопросу бабуля имела большое желание, но инстинкт самосохранения тоже не дремал. Жизнь папы № 2 была очень насыщенной. А мамуля любила покой.

Папа № 3 не ловил ворон. Он был философом, но от востроглазой бабули не укрылся тот факт, что он был «эмоционально нестабильный бездельник, почти неврастеник». Мамуля же увидела в третьем отце тихую пристань после папы-бизнесмена: в ту пору третий работал частным психологом и врачевал души. Но мамуля не любила, когда ей «любят мозги».

Да, с отцами мне несказанно повезло. Отношения их друг к другу были весьма своеобразными: то горячо, то холодно. Как-то я спросила у отцов, как им в свое время удалось создать и сохранить некое подобие дружбы, на что папа № 1 туманно заявил, что общие страдания объединяют. В юности я была уверена, что отцы страдали после расставания с родительницей. А вот теперь все больше склоняюсь к мысли, что папа намекал на другие страдания. Те, что предшествовали расставанию.

Сама я, хоть и работаю в агентстве праздников, окончила юридический факультет: папа № 2 и папа № 3 в свое время одобрили мой выбор. Второй хотел иметь своего юриста на случай непредвиденных обстоятельств, третий надеялся, что там я быстро осознаю суетность и тщетность бытия и поеду с ним в Китай к шаманам. Папа № 1, по обыкновению, пропустил дебаты: он был на работе и боролся со злом.

Мамуля же игнорировала мое образование и утверждала, что я ни дня не проработаю по специальности. Родная кровь всегда посмеивалась над моей работой и попытками быть материально независимой. Сама она любила проводить время на пляжах в Ницце. После папы № 2 у мамы там осталась небольшая богемная квартирка.

Мамуля оказалась права. Кое-как получив диплом, я бросила юриспруденцию и занялась организацией свадеб. Потому что юристам я была плохоньким, а организатором от Бога. Так мамуля говорила. Свою первую свадьбу я организовала еще в утробе родительницы. Это тоже ее слова, не мои. Благода-

ря мне родители и окольцевались. Я была незапланированным, но любимым ребенком: назвали меня Дариной, что означает «Божий дар».

Владеть своим праздничным бизнесом казалось мечтой: белые платья, голуби и торты. Папа № 2 по случаю купил мне пустующий офис в крупнейшем торговом центре. Там я и открыла агентство праздников «Шанс от Дарины». Мой пакостный секретарь Славик всегда добавлял к названию приставку «последний».

Как и всякий организатор, очень скоро я перестала пылать любовью к тортам, шарикам и голубям. Первые вызывали тошноту, вторые противно воняли резиной, а голуби не только воняли, но и гадили. А еще птичек было жалко.

Через год я возненавидела юбилеи и свадьбы, стала цинично смотреть на институт брака и на открытки с пожеланиями. Через два вошла в ритм и ночевала на работе. А через три стала забывать про свой день рождения и решила пока не выходить замуж, а сосредоточиться на карьере.

Папа № 2 посмеялся над моей «блажью», а папа № 3 изрек очередную мудрость (где он их там брал, лишь богу известно):

— Каждый идет своим путем. Но все дороги все равно идут в никуда. Значит, весь смысл в самой дороге, как по ней идти.

К тому времени он забросил психологию, стал постигать буддизм и достиг такого уровня просветления, что понять его простым смертным было не по силам.

Папа № 1 в обсуждениях не участвовал: он и тогда был на работе и боролся со злом.

В общем, думаю, вы поняли: семейка у меня что надо. Да и вообще, компашка у нас подобралась знатная. Как говорит о нас мамуля — три папы, две чумы. Две чумы, стало быть, это я и Славик. Насчет Славика — кто бы спорил. А вот себя я всегда считала умной и рассудительной девушкой. За ма-а-аленьким таким исключением...

* * *

Несколько дней после наших посиделок с буйабесом прошли мимо меня: дом, работа, спорт. На удивление мамуля в этот раз особо не досаждала нотациями, все чаще делала таинственное лицо и куда-то уезжала. Я списывала это на дела, памятуя об их с папой новом бизнес-проекте.

В один из дней мамуля вообще явилась ночью, наутро заявив, что у нее были деловые переговоры. Я даже грешным делом решила: у нее появился очередной поклонник. Но поклонники обычно благотворно сказывались на мамулином лице. А тут что-то пошло не так, потому как после этих своих переговоров вид она имела задумчивый. Все чаще хмурилась, что уж вовсе никуда не годилось. Столько лет даром потраченного ботокса. Еще и правда решится на очередную операцию, а их уже и так слишком много...

Я твердо решила поговорить с ней о ее планах прямо и обстоятельно за завтраком. Но в это утро Алена позвонила мне в восемь и напомнила про

романтический ужин на осенней лесной опушке. Я спохватилась, мы принялись обсуждать детали, и про мамулю я опять забыла.

На работе тоже скучать было некогда. Славик последние пару дней ходил какой-то понурый. Думаю, тут сказывались дожди и отсутствие витамина D. Услышав про лес, заявил, что готов показать мне прекрасную лесную полянку у небольшого озерца.

— Не та, что мы искали для Курочкина, а еще лучше, полянистее. Может, прямо сейчас махнем? Я тебе как раз папин бутик-отель покажу, он там в двух шагах. Где это видано, чтобы дочь совсем не интересовалась бизнесом семьи? Ты же наследница! Уже в главном корпусе внутренний ремонт в разгаре, хоть поглядишь.

— Нет, все это вечером, — осадила я ретивого же ребчика. — Сейчас наш юрист пришлет первичный вариант договора, будем править.

— Миром?

— Нет, Славик. Договором, вернее, договор. И надо что-то решать с нашими конкурентами.

Еще летом прямо на нашей улице открылось еще одно агентство праздников с загадочным (Славик тогда заявил, что с туалетным) названием «Пир духа», и теперь мы постоянно враждовали. Точнее, пытались поделить клиентов.

— Шантаж, угрозы, мольбы? — деловито почесал карандашом за ухом Славик, готовясь конспектировать.

— Честная конкуренция. Эти гады из «Пир духа» заказали на новогодние праздники сани Санта-Клауса с собачьей упряжкой. Видел на фото? Такие

милые хаски. У них заказов уже — до конца января. Сегодня совещаемся всей командой после обеда. А потом поедем, ты покажешь мне свою чудную полянку, на которой мы организуем романтик Алене и ее мужу.

— Лучше выехать пораньше. Я бы грибов насобирали. Обожаю тихую охоту: походить, подумать о жизни.

— Я не сильна в грибах, а в такую пору года что-то еще растет?

— А то. Видела, я у себя на странице выкладывал рядовки и говорушки в прошлые выходные? — оживился приятель.

— Косорылые уродцы в еловых иголках? Рядовки, говоришь? Видела. Только ты это... когда свои фоточки с грибами выставляешь, на следующий день тоже что-то пиши. А то, знаешь, нехорошие мысли...

— От нехороших мыслей нужно избавляться. Это негатив. О, точно! Напомни мне найти в лесу осину.

— Зачем? Осиновый кол самому себе всадить будет проблематично. Если что, зови.

— Дурында. Мне нужно полено! Учитель, — а Славик уже давно называл моего папу № 3 именно так, — сказал, что осиновое полено под кроватью способно снимать негатив и улучшать сон. А у меня последнее время с этим проблемы.

Я хотела сказать, что Славик и проблемы — это вообще слова-синонимы, но временно воздержалась от комментариев: приехал наш юрист.

На окраину города мы отправились на машине Славика, добрались ближе к шести. Оставили его «Мини Купер» возле дороги, как обычно делают все грибники, и побрели в чащу. Я порадовалась, что возила в машине теплую жилетку, которую натянула поверх пальто. Несмотря на холод, листва еще крепко держалась на ветках, в осеннем лесу было торжественно и красиво. Славик нервничал, что все грибы соберут раньше нас, оттого жутко торопил меня и ворчал:

— Шевели ногами. Комары достали! Когда они уже перемрут? Ведь ноябрь начался... Ой, слышишь, кукушечка? О чем поет?

— Конечно, слышу. А ты знаешь старинное поверье? Это комары, которых ты проклинал, твою кровь ей на анализ оттарабанили. Теперь она общает, сколько тебе еще эту землю топтать.

— Тьфу на тебя! Гляди-ка, а что это за след? — сделал вдруг стойку приятель, приглядываясь к сырой земле.

— Какой-то дикий зверь, — пожала я плечами и поежилась. — Какая огромная лапа!

— Евпатий Коловрат... Опыт подсказывает, что огромная лапа почти всегда сопровождается огромной пастью, — пробормотал Славик, прижимая к себе корзиночку, и почему-то боязливо посмотрел по сторонам. — Давай-ка мы сменим траекторию движения, чтобы нам с этой лапой не пересечься.

Я молча следовала за Славиком, он же бормотал себе под нос отвратные стихи. Не иначе — собственного сочинения:

— Люди летают в космос, просторы миров безраздуют. А заплутавших в лесочке тупо медведи едят...

Под эти ужасные сочинения мы прошли уже прилично, а возжеленной полянки все не попадалось.

— Ну и где твоя райская обитель? Похоже, ты просто хотел набрать грибов, но боялся идти в лес один. У меня такое ощущение, что мы заблудились.

— Да ладно, сейчас будет. Ну чем тебе тут не нравится? Свежий воздух, спортивная ходьба.

— Есть хочу. Я, конечно, на диете, но жевать мох неохота.

Я уже жалела, что вообще поперлась в этот лес. Да еще и не прихватила ни кофе, ни бутербродов.

— Представляешь, папа № 3 как раз в этом лесу мох недавно ел! — весело хрюкнул Славик, расковыривая палкой какой-то бугорок.

— Может, это щавель был? — машинально переспросила я, поглядывая по сторонам в поисках хоть какой-то крохотной дикой яблоньки.

— Нет, это папа был! — упорствовал Славик, а я вдруг переспросила:

— Когда это ты с папой в этом лесу прогуливался?

Тут же приятель испуганно заморгал. Видимо, понял, что проговорился, и я почему-то насторожилась. Когда Славик и отцы объединялись за моей спиной, ни к чему хорошему это обычно не приводило.

Славик поспешно присел, делая вид, что заметил какой-то замшелый гриб, но меня терзали смутные сомнения.

— И все-таки: что у вас за тайны? Зачем папа ел траву? Обряды древних шаманов?

— Ну, у нас тут было одно дельце. Плутали мы тут, вот прямо как сейчас, только ночью. С пути сбились. И Учитель в темноте мох искал, север определить. А чтобы убедиться, что это точно мох, он его попробовал. И больше ничего не спрашивай. Ты не обижайся, но папа № 2 меня убьет, если я проговорюсь.

— Так тут еще и второй отец нарисовался? А первый в курсе?

При этом вопросе лицо Славика стало белым от ужаса. Он всегда легко возбуждался. Теперь приятель напоминал ту подмерзшую поганку, что я недавно пнула ногой в досаде, поначалу приняв за сыроежку.

От нечего делать я принялась анализировать полученную информацию:

— Значит, вы тут собирались мужской компанией, ели мох и секретничали, при этом первый отец об этом знать не должен? Ну-ну, это пахивает каким-то грязным дельцем.

— Мамуля так и говорила: главное, чтобы Дарина не прознала, вмиг выведет на чистую воду, — заныл вконец деморализованный моей дедукцией Славик.

— И мамуля с вами?

Славик вздохнул и кивком подтвердил: именно так и было.

— Ну, знаете... Опять ваши эти штучки! Вы тут что, коллективно с меня снимали венец безбрачия? Или ты мне сейчас же рассказываешь, что вы за-теяли, или я ухожу.

— Куда? — удивился Славик, потому как идти куда-то в темнеющий лес одной — перспектива та еще.

— Да хоть куда! — разозлилась я и демонстративно зашагала в другую сторону. Туда, где обитали большая лапа и большая пасть.

— Дарина, иди к машине, — не выдержав, позвал меня Славик, — ты хоть дорогу назад знаешь?

— А ты тут вообще хоть какую-то дорогу видишь? — засмеялась я, намеренно ускоряясь.

Конечно, ожидала, что Славка начнет звать меня назад, но он только причитал, что я режу его без ножа. Заткнув уши, я громко запела про лесного оленя, который мог бы умчать меня куда-то вдаль. Чего ему стоит?

Когда я отошла уже на приличное расстояние, распугав пением всех больших лап в округе, то поняла, что мой шантаж не сработал. И решила не заниматься ерундой, а включить навигатор и топать к машине. И вдруг обнаружила, что связь здесь не ловит. А еще батарейка, как обычно, была на исходе.

Я развернулась и кинулась назад. Через пять минут я уже не сомневалась: не туда я иду. Сосны стояли сплошной стеной, а сама дорога становилась все уже. И шума трассы совсем не было слышно. Я решила не дурить и возвала к Славику, тем более стало стремительно темнеть. Голос прозвучал гулко и тревожно, никто не отозвался.

На обратном пути мне вдруг попалась какая-то причудливая коряга, а я поняла, что до этого она мне не попадалась. Минут через пять, кажется, я вышла на знакомую полянку, но тут дорога расходилась уже в две стороны. Я несколько раз неуве-

ренно позвала Славика и прислушалась. Теплилась робкая надежда уловить звук машин и понять, в какой стороне шоссе. Но ответом мне была тишина. Почему-то мне стало не по себе, словно лес таил в себе скрытую угрозу.

Теперь я все время оглядывалась, будто ожидала, что вот-вот со мной произойдет что-то жуткое. Наверное, разговоры Славика про дикого зверя ввели меня в панику. Вспомнив про этого засранца, я разозлилась и немного отвлеклась на мысли о неминуемой каре, которая его настигнет. Но и страх не прошел бесследно.

В какую сторону идти? Обычно я бы свернула направо, но теперь почему-то решила идти налево. Ветер раскачивал деревья, а под ногами хрустели сухие ветки.

Меж тем темнело очень быстро. Небо в про свете сосен еще серело, но внизу уже расстелилась удручающая мгла. Примерно через полчаса мне стало казаться, что я хожу по кругу. Связи все не было, ветер усилился, и стало еще холоднее.

Я запретила себе бояться и для пущей уверенности заговорила с собой вслух:

— Господи, ну что за фигня! Как можно заблудиться в нескольких метрах от дороги? В конце концов, где-то здесь папина стройка. А папа говорил, что тут неподалеку есть дома. Ну уж один дом должен быть точно, раз папа с каким-то там расстоянием до соседей заморочился.

И тут, точно в ответ на мои мысли, впереди между деревьями мелькнул свет. То и дело спотыкаясь,

я кинулась вперед, отчаянно и бестолково размахивая руками.

Огонек вывел меня к вполне сносной дороге, и я могла надеяться, что только что по ней проехала машина. Возможно, это паршивец Славик ищет меня. Я тут же потянулась за телефоном в надежде на связь. Перед этим я его отключила, чтобы экономить заряд. И вот теперь включила. Ура! Три палочки. Но не успела я набрать номер Славика, как батарейка предательски пискнула и бесповоротно умерла. Я поклялась, что следующий раз не поддамся на рекламу и куплю себе телефон, который долго не разряжается. Если такие, конечно, существуют.

Плутать в лесу больше не имело смысла, эта дорога в любом случае должна была вывести меня к жилью или к шоссе.

Слегка расслабившись, я настроилась на философский лад. Но неожиданно впереди снова мелькнул огонек, уже не похожий на огни машины. Ускорившись, через пару минут я едва не врезалась с разбега в забор. Высокий деревянный забор с металлическими столбиками. В темноте я его не сразу увидела.

С облегчением вздохнув, я побрела искать ворота. В конце концов, если здесь есть люди, я смогу позвонить. Славик меня заберет, и я наконец попаду домой. Толкнув скрипучую деревянную калитку, я увидела красивый двухэтажный дом в стиле шале. Но не красота занимала сейчас мои мысли: в окне первого этажа горел свет. Возле ворот под навесом стоял внедорожник.

Я быстро огляделась и подумала, что беспокоить людей в поздний час не совсем вежливо. Сейчас время уверенно подбиралось к восьми вечера, и что делают современные люди в лесу в будний день? Впрочем, выбора у меня не было, и я позвонила. Сначала в доме было тихо, потом слышались шаги.

Наконец дверь приоткрылась. На пороге стоял молодой мужчина в светлом джемпере и джинсах. В свете, падающем из комнаты, я неплохо рассмотрела его лицо. И если поначалу в моей голове бродили нехорошие мысли – вечер, лес, одинокая девушка в поисках приключений, – то сейчас я успокоилась. Парень выглядел на редкость интеллигентно: симпатичный, легкая щетина, очки в тонкой оправе. Вполне себе достойный экземпляр, если бы не одно «но»: я сразу наметанным взглядом одинокой девушки заметила на его правой руке обручальное кольцо.

Пока я рассказывала, что со мной приключилось, он задумчиво меня разглядывал, после чего, спохватившись, предложил войти.

Внутри, как, впрочем, и снаружи, дом вовсе не был похож на избушку лесника: чувствовалась рука дизайнера, да и отделка недешевая. Чего стоил только белый пушистый ковер у камина в гостиной. Хотя было видно, что обстановку делали лет пять-шесть назад. Сейчас такие вензеля уже были не в моде. Дальше прихожей проходить я не рискнула.

– Мне бы только позвонить, я была с другом, но мы разминулись, – извинилась я за свое вторжение.